

БЫТЬ или НЕ БЫТЬ?..

Не хотелось мне выносить в заголовок столь громкие и многозначные слова. Не хотелось еще и потому, что тень Гамлета в данном случае ни при чем. Принц датский, как известно, размышлял вовсе не о судьбе Свердловского драматического театра. Но рука упорно зачеркивала другие варианты названий. Быть или не быть?.. Беспокойство, возникшее после знакомства с последними постановками Драмтеатра, не хотело отливаться ни в какие другие слова. Быть или не быть нашей драме в дальнейшем тем, чем была она для Свердловска долгие годы: любовью, гордостью, школой мысли и красоты?

Нельзя сказать, что минувший сезон не принес театру и зрителям совсем никаких радостей. Был интересный дебют в режиссуре молодого артиста Игоря Южакова — родилась «Белоснежка и семь гномов», заявив дружным хором о том, что молодое пополнение коллектива готово к решению серьезных творческих задач. Была отличная работа у К. Ламочкиной в «Утолении жадности». Народный артист СССР Б. Ильин блестяще сыграл Кучумова в «Бешеных деньгах». В том же спектакле состоялась любопытная встреча с повесой Телятевым В. Сивача. В «Разбуженной совести», как ни трудно это было при таком драматургическом материале, взволновал нас судьбой Толика Сысоева В. Фролов.

Но успех сезона (так же, как успех спектакля) зависит не от отдельных актеров, не от одиночных побед...

Как случилось, что из четырех спектаклей, поставленных нынче («Белоснежка» не в счет: это работа студийная и предназначена юному зрителю), ни один не стал настоящим праздником искусства? Больше того: ни один, думается, не может безоговорочно быть назван хорошим спектаклем...

С какой стороны ни подойди — с разбора ли спектаклей, с анализа ли афиши, первый вывод, первый урок неизбежно будет один: театр отступил от своих принципов в выборе драматургии.

Не зря, наверное, в былые времена утвердилась за Свердловской драмой репутация театра большой, общественного звучания мысли, философского раздумья над жизнью, строгого художественного вкуса. Театр стремился идти в ногу со временем, говорить со зрителем о том, что его волновало, но обязательно на языке настоящего искусства. Очень редко появлялись на его афише названия пьес ремесленных, малохудожественных. И сегодня афиши прошлых лет подтверждают: что бы ни принимал к работе творческий коллектив — классику, зарубежную ли пьесу, советскую ли, произведение местных драматургов, — непреклонным было его требование идейного и художественного богатства материала, наибольшего его соответствия задачам дня. Даже в самые нелегкие в репертуарном отношении годы умудрялись находить выход.

До чего же обидно, что сегодня, когда дела на драматургическом фронте изрядно улучшились, приходится употреблять это досадное прошедшее время: стремились... было... находили...

Два спектакля в этом сезоне посвятил театр нашей сегодняшней действительности: «Утоление жадности» и «Разбуженную совесть». И оба они, хотя и в том и в другом есть кое-что интересное, в основном не получились. Не стали взволнованным, умным и нужным раздумьем вместе со зрителем о сегодняшнем дне. Это прямое следствие компромисса, на который пошел коллектив, принимая пьесы к работе. Об «Утолении жадности» уже немало написано, и не стоит поднимать этот разговор вновь. Достаточно сказать, что богатая мыслями и характерами книга Ю. Трифонова в инсценировке выхолащена до столь тривиальных ситуаций, что не только поблекли художественные достоинства произведения, но и оказался ослаблен его идейный смысл.

А вот о «Разбуженной совести» В. Шаврина стоит поговорить подробнее. Сюжет пьесы таков: в рабочую бригаду, которая трудится на строительстве большого завода, приезжает под чужим именем беглый вор Толик Сысоев. Драматург предлагает нашему вниманию процесс перевоспитания Толика в честной трудовой среде, процесс пробуждения его совести. Скажем прямо, нового в этой ситуации не очень много. Но главная беда не в том. И на таких избитых коллизиях можно было бы строить спектакль — ведь в жизни они действительно существуют. Мож-

но трактовать пьесу как произведение сатирическое, что попытался сделать в спектакле режиссер Е. Плавинский. Сатиры не получилось. И не получилось в то же время Пристли...

Из русской классики театром поставлены «Бешеные деньги». А. Островский велик, и драматургическое наследие его будет служить нам еще долгие, долгие годы. Но для того, чтобы волновал он сегодняшнего зрителя, помогал ему жить лучше и чище, очень точен должен быть режиссерский прицел при постановке спектакля. Очень точен и современен. Иначе состоится только музейный экскурс в творчество драматурга.

В спектакле нашего театра прицел неясен. Чего хотели творческий коллектив, постановщик спектакля А. Соколов? Расстрелять цинизм, циничное отношение к жизни?... Но отчего же зритель уходит из театра, отнюдь не ощутив этого? Мне случилось слышать высказывание одного молодого инженера о «Бешеных деньгах», человека культурного и неглупого:

— Вот жили люди, а! И в кармане ни гроша, и покутить можно!

Это была не зависть к героям Островского. Это было ироничное восприятие спектакля...

Итак, допускается нечеткость режиссерского замысла, а порой и произвольное отношение к драматургу (пример — «Скандальное происшествие»). Таков второй вывод, второй урок нынешнего сезона. Но — почему допускается? Ведь в театре есть художественный совет, который обязан и принимать пьесу к работе, и знакомиться с режиссерской экспозицией спектакля, и обсуждать его, прежде чем он будет показан зрителю. В театре есть Вениамин Семенович Битюцкий — не просто главный режиссер, но талантливый, большой художник, умудренный опытом и знаниями. Он-то не может не видеть, что хорошо и что плохо!

Нелепо предполагать, что создавшееся положение — результат чьего-то злого умысла или недобросовестности. Неверно думать, и упрекать деятелей театра в том, что они стали работать впосилы, как проскользнуло это в печати: вряд ли кому-то хочется сознательно обречь себя на неудачи. Но вот разговор о компромиссности, о непоследовательности в борьбе за лицо театра, о неумении, маневрируя, противиться привходящим обстоятельствам необходимо, назрел. В сущности, неудачи последнего сезона есть не что иное, как результат уступок, вынужденных и невынужденных.

Пришло это не вдруг. Вспомним: уже несколько лет кряду пульс театра бьется неровно. То как-то исчез на довольно долгое время со сцены наш современник. То в современном спектакле очень робким оказалось дыхание современности («Перед ужином»). То в какой-то период зарубежная драматургия на значительный срок вытеснила русскую классику: подряд были поставлены «Дон Хиль — Зеленые Штаны» и «Пигмалион»... Все это находились и причины, и объяснения: то болезнь художника, то соотношение актерских сил, то новой добротой пьесы в портфеле не нашлось. Но, право, если бы уже тогда задумалось руководство театра, откуда такая зависимость театрального организма от обстоятельств, если бы уже тогда попыталось оно разглядеть за причинами внешними причины внутренние — сегодняшний день театра не был бы так труден. Искусство не прощает компромиссов, с кем бы они ни заключались — с людьми или с обстоятельствами. Именно потому сегодня встал перед театром гамлетовский вопрос.

Дело чести театрального коллектива — разрешить этот вопрос утвердительно. Быть! Быть, как прежде, любовью и гордостью свердловчан, школой мысли и красоты. Быть форпостом высокого, передового искусства!

И пусть уроки минувшего сезона станут союзниками театра в борьбе за это. Пусть помогут они ему сплотить творческие силы и одолеть трудности.

Г. ЛАЗУТИНА.

К ИТОГАМ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

но было бы, если бы пьесу населяли живые люди, если бы за разговорами их и поступками стояло гражданское «я» драматурга со своей страстью и болью, со своими мыслями о жизни. Словом, если бы пьеса была художественным осмыслением действительности. Но у Шаврина это не вышло! И в идейном, и в художественном отношении пьеса беспомощна. Во имя чего же театру было останавливать на ней свое внимание? Неужели только для того, чтобы проиллюстрировать аксиому: «Ты сам хозяин своей жизни, и от тебя зависит, как ты ее проживешь». Или, может, для того, чтобы на судьбе Толика Сысоева преподать урок другим беглым ворам?..

Не бесспорен оказался и выбор произведения из зарубежной драматургии. Пьеса Джона Пристли «Скандальное происшествие» с мистером Кэттлом и миссис Мун — талантлива и своеобразна. Тонкий психолог, Пристли с удивительной проницательностью рисует нам состояние души человека, загнанного обществом бизнеса в футляр из чинопочитания и деячества, лживых улыбок и догм. Человек решился на бунт! И вот тут-то драматург оказывается в плену буржуазной ограниченности: бунт Кэттла — это бунт одиночки, бунт без выхода и потому без смысла. Нельзя же всерьез принимать за выход стремление уехать из затхлого городка Бриксвилла. При таком решении драматургом конфликта между человеком и обществом бессмыслен-